

Российская академия наук
Институт восточных рукописей (Азиатский Музей)

ТЮРКО-МОНГОЛЬСКИЙ МИР: ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА

Материалы международной научной конференции,
посвященной 90-летию со дня рождения
С.Г. Кляшторного

Москва
Наука–Восточная литература
2019

А.С. САРАЕВ*

С.Г. Кляшторный и Л.Н. Гумилев
(по материалам музея-квартиры Л.Н. Гумилева
и личным беседам с С.Г. Кляшторным)

Статья посвящена анализу содержания дискуссии между двумя специалистами по политической истории тюрко-монгольских кочевников — Л.Н. Гумилевым и С.Г. Кляшторным. Если по публикациям можно судить о преимущественно конфликтных отношениях между ними, то материалы музея-квартиры Л.Н. Гумилева в Санкт-Петербурге и личные сообщения С.Г. Кляшторного автору данной статьи открывают куда более сложную и интересную картину взаимоотношений обоих ученых. Один факт, что, начавшись в 1949 г., отношения не прерывались вплоть до конца жизни Л.Н. Гумилева, т.е. продолжались более 40 лет, свидетельствует о том, что, несмотря на печатную полемику, ученые сохраняли неизменный интерес друг к другу и до некоторой степени влияли друг на друга.

Ключевые слова: политическая история тюрко-монгольских кочевников, Л.Н. Гумилев, С.Г. Кляшторный.

DOI: 10.25882/9czp-pa75

Насколько корректно сравнивать научное наследие признанного академического ученого-тюрколога и весьма популярного, но скептически воспринимаемого в научных кругах ученого-«чудака» — историко-географа? Если к подобной задаче подойти сугубо формально, никакого противоречия, как ни удивительно, не окажется. За советский период своей научной биографии С.Г. Кляшторный издал только одну индивидуальную монографию. Вышла она в 1964 г. под грифом

* Андрей Сергеевич САРАЕВ — соискатель Казанского государственного института культуры (Казань); andrejsaraev@yandex.ru

Института народов Азии АН СССР в Главной редакции восточной литературы издательства «Наука» [Кляшторный, 1964]. Первая монография Л.Н. Гумилева вышла в 1960 г. под грифом Института востоковедения АН СССР (с 1960 по 1970 г. — Институт народов Азии) в Издательстве восточной литературы (в 1964 г. преобразовано в Главную редакцию восточной литературы издательства «Наука»). В 1966 и 1967 гг. под грифом Института народов Азии выходят монографии Л.Н. Гумилева «Открытие Хазарии» и «Древние тюрки». В 1970 г. под общим грифом АН СССР публикуется его монография «Поиски вымышленного царства», а в 1974 г. под грифом ИВ АН издается монография «Хунны в Китае». Таким образом, монографии С.Г. Кляшторного и Л.Н. Гумилева издавались одним издательством под грифом одного научного учреждения, проходя, вероятно, одни и те же стадии обсуждения и рецензирования.

С.Г. Кляшторный был автором ряда статей («Огузы», «Орхонские тюрки», «Орхон-енисейские надписи», «Тюркский каганат» и др.) в «Советской исторической энциклопедии» и «Большой советской энциклопедии» (в наше время также и в «Большой Российской энциклопедии») — изданиях, куда случайные авторы попасть в принципе не могли. Однако и Л.Н. Гумилев был автором статей в обеих энциклопедиях («Гунны», «Хунну», «Шато» и, вероятно, неподписанные «Гурхан» и «Тюргеш»).

Уже в последние годы некоторые критически настроенные по отношению к Л.Н. Гумилеву авторы специально противопоставляли его работам совместную монографию С.Г. Кляшторного и Т.И. Султанова [Кляшторный, Султанов, 2009], особо подчеркивая отсутствие в ней ссылок на Л.Н. Гумилева [Кузьмина, 2010: 29; Черных, 2009: 518]. Примечательно, что они не ссылались на совместную монографию С.Г. Кляшторного и Д.Г. Савинова, где в части Д.Г. Савинова ссылки на Л.Н. Гумилева имеются [Кляшторный, Савинов, 2005: 254, 256, 281–282]. Вероятно, С.Г. Кляшторный против этих ссылок не возражал, поскольку и до и после совместных с Т.И. Султановым и Д.Г. Савиновым монографий сам неоднократно на Л.Н. Гумилева ссылался, и не всегда полемически. Достаточно сказать, что знакомство автора этих строк с С.Г. Кляшторным произошло на открытии конференции, посвященной 100-летию Л.Н. Гумилева (2 октября 2012 г.). В сборнике конференции опубликована и статья С.Г. Кляшторного [Кляшторный, 2012].

Если, таким образом, для самого С.Г. Кляшторного личность Л.Н. Гумилева представляла интерес, то и мы имеем полное право

рассмотреть в ретроспективе историю взаимоотношений обоих ученых.

Нашими источниками помимо работ обоих авторов (включая опубликованную переписку Л.Н. Гумилева) стали материалы музея-квартиры Л.Н. Гумилева (г. Санкт-Петербург, ул. Коломенская, 1/15), а также личные сообщения С.Г. Кляшторного.

I. Знакомство

Л.Н. Гумилев (1912–1992) был старше С.Г. Кляшторного (1928–2014) на 16 лет и теоретически, если бы не известные обстоятельства биографии, мог бы стать даже его учителем подобно своему главному оппоненту А.Н. Бернштаму¹. Последний был старше Л.Н. Гумилева всего на два года, причем родились они в один день (1 октября). Разница в возрасте имела и такое следствие: в личном общении для С.Г. Кляшторного Л.Н. Гумилев всегда был «Львом Николаевичем», в то время как для Л.Н. Гумилева С.Г. Кляшторный так и остался «Сержей», хотя оба они обращались друг к другу на «вы».

По словам С.Г. Кляшторного, его знакомство с Л.Н. Гумилевым произошло в 1949 г., в ходе Саркельской экспедиции под руководством М.И. Артамонова. Гумилев к тому времени уже почти год как защитил кандидатскую диссертацию по истории первого тюркского каганата, за его спиной была целая серия арестов и один лагерный срок, а также фронтовая дорога, закончившаяся в Берлине. Всё это вкупе с фамилией не могло не вызывать интерес у наиболее любознательных студентов [Клейн, 2010: 63–64]. Гумилев предложил Кляшторному продолжить общение после экспедиции и прийти к нему осенью в Музей этнографии народов СССР, куда он смог устроиться после защиты диссертации. Однако по возвращении из экспедиции Л.Н. Гумилев был арестован, а вернулся в Ленинград лишь в мае 1956 г. [Люди и судьбы, 2003: 134].

II. Первые столкновения

Где и при каких обстоятельствах С.Г. Кляшторный мог впервые встретить Л.Н. Гумилева по его возвращении из лагеря?

¹ С.Г. Кляшторный не раз подчеркивал, что считает себя учеником А.Н. Бернштама. Ср.: «Нашим учителям, профессорам Ленинградского университета Александру Натановичу Бернштаму и Михаилу Илларионовичу Артамонову посвящаем» [Кляшторный, Савинов, 2005: 1]; «...я слушал только основные курсы — Артамонова Михаила Илларионовича, Пиотровского Бориса Борисовича, Бернштама Александра Натановича, моего учителя» [Кляшторный, 2013: 67].

Из переписки известно, что Гумилев с первых же дней на свободе пытался активно включиться в научную жизнь. 5 июня 1956 г. (судя по письму В.Н. Абросову от 6.06.1956) он читал доклад, на который среди прочих пришел А.Н. Бернштам: «В прениях он напал на меня, и опять получился Берсрам. Он обиделся и уехал не прощаясь. Нет, у него со мной не получается. Кроме него выступали молодые антропологи, очень умно и дельно. Мы поспорили и расстались друзьями» [Гумилев. Письма, 2008: 119].

Присутствовал ли Кляшторный на докладе Гумилева, неизвестно. Исключать этого нельзя, хотя в то время он еще не был сотрудником академического института. Да и Гумилев, что видно из письма, в качестве оппонента рассматривал тогда только А.Н. Бернштама. Тем не менее именно на открытых докладах Гумилева в Эрмитаже или в Географическом обществе происходили первые послелагерные его встречи с Кляшторным, о чем можно судить из рассказов последнего. К сожалению, С.Г. Кляшторный вспоминал о своих посещениях докладов Гумилева суммарно, точно не датируя их, но по называемой их тематике можно судить, что это были именно доклады конца 1950-х годов.

В частности, Кляшторный считал, что доклад Гумилева об эфталитах основан на домыслах, а не на исторических документах, поскольку Гумилев ссылался на то, что «кто-то что-то ему рассказал», а проверить такое невозможно. О докладе мы также узнаём из переписки Л.Н. Гумилева. В письме В.Н. Абросову от 1 декабря 1956 г. сообщается: «Я прочел доклад о происхождении эфталитов. Опроверг все существующие точки зрения... и сам не был опровергнут. Работу рекомендовали к печати. Думаю послать в „Вестник древней истории“» [Гумилев. Письма, 2008: 128].

Как видно, в письме угадывается намек на дискуссию, в которой, как считал Гумилев, он победил. Основания для этого, впрочем, у него были: в «Вестнике древней истории» была опубликована не одна, а две его статьи по эфталитской проблематике [Гумилев, 1959; 1967а]. Попробуем также предположить, что полемика в ходе доклада нашла свое отражение как в статье 1959 г., так и спустя три десятилетия в воспоминаниях. В статье Л.Н. Гумилев действительно упоминает своего информатора, а равно и рукопись, о которой тот сообщал: «Мой рассказчик, Алифбек Хийшалов, 44 лет, шугжанец, получивший образование у исмаилитского пира, ссылался на рукописи, прочтенные им в юности. Одну из них мне посчастливилось обнаружить изданной — это Ta'rikh Nama-i-Narat» [Гумилев, 1959: 137]. Ссылка на опубликованную рукопись вполне проверяема, а вот туманность

ссылки на беседу в ходе самого доклада в 1956 г. была связана отнюдь не с желанием прикрыть свою «выдумку», а скорее с обстоятельствами встречи с этим «ученым эфталитом».

Открыто сообщать, что беседа проходила в лагере, только что освобожденный Л.Н. Гумилев, вероятно, опасался. И даже в конце 1980-х годов он формулировал это довольно-таки обтекаемо: «Не только ландшафты, но и люди привлекали внимание автора. *На великих сибирских стройках* (здесь и далее курсив наш. — А.С.) ему удалось познакомиться с представителями разных народов... Благодаря знанию таджикского языка автор подружился с персом, таджиками и даже с ученым эфталитом — памирцем, получившим двойное образование: он прошел обучение у исмаилитского „пира“ — старца, а потом курс в Сталинабадском педагогическом институте. Эти беседы позволили автору найти путь к решению эфталитской проблемы, отличающемуся от прежних гипотез радикально» [Гумилев, 1988: 204]².

Еще совсем молодой С.Г. Кляшторный мог тогда всех нюансов не понять, но в памяти сохранилась именно «неубедительность» доводов Гумилева. Имевшей лагерный опыт (Соловки) Н.В. Пигулевской ничего специально объяснять не пришлось [Люди и судьбы, 2003: 301]. Она дала высокую оценку рукописи Гумилева и рекомендовала ее к печати (машинопись за подписью Н.В. Пигулевской и датой «24 мая 1957 г.» хранится в музее-квартире Л.Н. Гумилева).

В цитате из воспоминаний мы выделили также фрагмент о знании Л.Н. Гумилевым таджикского языка. В востоковедной среде сложилось устойчивое мнение о том, что Л.Н. Гумилев, занимаясь историей Востока, не был именно по востоковедной квалификации подготовлен для таких занятий. Проще говоря, считается, что он не знал ни одного восточного языка. И действительно, по большей части в его работах содержатся ссылки на те или иные переводы восточных источников на русский или европейские языки. Сразу отметим, что хорошее знание Л.Н. Гумилевым французского языка С.Г. Кляшторный подтверждал, будучи однажды свидетелем разговора Гумилева по-французски. А вот что касается знания восточных языков, С.Г. Кляшторный полностью разделял изложенное мнение. В его памяти сохранилась

² Эфталитов Гумилев считал не тюрками и не монголами, а памирскими горацами, причем изначально не ираноязычными. Наименование их «белыми гуннами», по его мнению, произошло оттого, что и в состав хунну, и в состав эфталитов вошел один и тот же европеоидный субстрат — племена *ди*, жившие к западу от Ордоса, которых Гумилев отделял от жунов и динлинов [Гумилев, 1960: 249–250 (словарь этнонимов)].

беседа с Л.Н. Гумилевым как раз о знании фарси («таджикского»). Однажды Кляшторный спросил у Гумилева о том, на какой странице «Тути-наме» («Книги попугая»), по которой обычно начинали изучение фарси, он остановился, а тот, рассмеявшись, ответил: «На первой».

Однако имеется немало и обратных свидетельств о знании Гумилевым фарси. В качестве примера приведем опубликованный фрагмент статьи об эфталитах и сравним его с аналогичным местом в рукописи, которая начата еще в лагере [Гумилев, 1955]³.

Поэт Саади Бадахшанский
пишет

چشم کبود سرمه از این پنهان خوش است
 Не черни голубые глаза они и так хороши.
 Известно, что черноглазые народы считают
 голубые глаза уродством. Значит голубоглазья
 на Памире было так много, что голубо-
 глазие было нормой, а не исключением.

Поэт Саади Бадахшанский пишет: „Не черни голубые глаза, они и так хороши“. Известно, что черноглазые народы считают голубые глаза уродством. Значит, на Памире было так много голубоглазых, что это было нормой, а не исключением» [Гумилев, 1959: 138].

В этой долине побывал Насир Хосров
и посвятил ей двестишие, в котором
называет жителей: эфталиты с
блестящими сердцами (Сафар-наме)
روشن دلان یفتل

«В этой долине побывал Насир Хосров и посвятил ей двестишие, в котором называет жителей: эфталиты с блестящими сердцами (Сафар-наме)». (Фрагмент в печатную статью не вошел.)

³ Приводимые фрагменты входят в блок рукописи под названием «Загадочный народ». Лист с цитатой из Саади имеет номер 6, с цитатой из Насира Хосрова — номер 8.

Подобные вставки на фарси совершенно обычны для ранних рукописей Л.Н. Гумилева. Обратим внимание, что в приведенной выше цитате из воспоминаний среди своих лагерных знакомых Гумилев упоминает не только «эфталита», но и перса. Об этом персе подробнее рассказывает А.Ф. Савченко, сосед Гумилева по лагерному барачу: «Довольно долго его посещал... иранский юноша. Видимо, он очень страдал от чуждой обстановки... А тут он мог услышать родную речь... Лев же Николаевич с помощью юноши усовершенствовал свое знание фарси, слушал стихи иранских поэтов. Юноша прежде учился в Тегеранском университете...» [Савченко, 2006: 161].

Для более раннего периода (1946–1949) знание Гумилевым фарси подтверждают отзывы на его кандидатскую диссертацию («Подробная политическая история первого тюркского каганата. 546–659 гг.»). Выдающийся иранист И.П. Петрушевский отмечал: «Вкладом автора в науку является также Гл. IV, где автор, на основе хорошего использования имеющихся у Фиордоуси (так в оригинале. — А.С.) и других авторов фрагментов из „Хвадай-Намак“, доказывает, что победа Бахрама Чубина под Хератом в 589 г. была победой не над эфталитами, как думали Кристенсен и другие исследователи, а над тюрками...» [Петрушевский, 1947: 2]. Позже, в статье для «Советской исторической энциклопедии» И.П. Петрушевский сослался лишь на трех авторов: Н.В. Пигулевскую, Л.Н. Гумилева, А. Кристенсена [Петрушевский, 1962: 176].

Отзыв А.Ю. Якубовского прямо свидетельствует об использовании Гумилевым части источников в подлинниках: «Автор с большой тщательностью использовал разнообразные источники... Часть этих источников проработана автором в подлинниках, а другая — в хорошо проверенных переводах» [Якубовский, 1948: 1]⁴.

Таким образом, профессиональное владение Гумилевым по крайней мере фарси (конечно, на уровне историка-востоковеда, а не филолога) вряд ли подлежит сомнению. Высказывание же о прочтении только первой страницы «Тути-наме», вероятно, было просто шуткой.

Не знал Л.Н. Гумилев китайского языка. Именно это стало и до сих пор является наиболее весомым аргументом его критиков. В чем мог состоять источник конфликта китаистов с Гумилевым, видно из

⁴ Время написания отзыва можно установить по письмам Л.Н. Гумилева (от 9 и 13.06, 26.07.1948) Н.И. Варбанец из Пазырыкской экспедиции С.И. Руденко. В письмах Гумилев спрашивает, написал ли А.Ю. Якубовский отзыв. В письме от 13.07 упоминаются как уже имеющиеся отзывы М.И. Артамонова и И.П. Петрушевского. Письма не опубликованы.

примера аналогичной ситуации, в которую в те же 1950-е годы едва не попал Ж.-П. Ру: «Я поступил в Школу восточных языков, где познакомился с Луи Массиньоном, ставшим затем моим научным руководителем. Луи сказал, что Франция скоро потеряет свои колонии в Северной Африке и что вернутся многие люди, владеющие арабским в совершенстве. Поэтому он советовал мне предпочесть арабскому какой-нибудь другой язык, в изучении которого я мог бы более отличаться. Вот почему я начал изучать турецкий» [Roux J.-P., 2008]. У Гумилева подобного выбора не было, хотя он явно об этом задумывался. Так, перед самым освобождением из лагеря в письме Эмме Герштейн (от 26.04.1956) он сетовал: «Если бы можно было начать жизнь сначала, я учил бы китайский, а не персидский язык» [Герштейн, 2002: 540].

III. Открытое противостояние

Против первой опубликованной монографии Л.Н. Гумилева — «Хунну» выступили единым фронтом сотрудники Ленинградского отделения Института народов Азии (ЛО ИНА), под грифом которого, напомним, монография и вышла.

О содержании двух раундов дискуссии, проходивших в стенах Эрмитажа и ЛО ИНА, стало известно из научной печати [В Государственном Эрмитаже, 1962]. Выступление С.Г. Кляшторного в ходе эрмитажной сессии передано следующим образом: «С.Г. Кляшторный (ИНА) выразил удивление, что некоторые выступавшие считают необязательным хорошее знание источников, усматривая главное в создании концепций. Работа Л.Н. Гумилева написана прекрасным языком, но... это лишь хороший пересказ переводов Бичурина и МакГоверна... Между тем переводы Бичурина часто неверны и использовать их можно с большими оговорками. Кроме того, в них содержится весьма ограниченная часть сведений о хуннах — может быть $\frac{1}{10}$ или $\frac{1}{100}$ того, что имеется в китайских источниках. Поэтому К.В. Васильев (автор разгромной рецензии на „Хунну“. — А.С.) прав, говоря о совершенно недостаточной для серьезного исследования источниковедческой базе книги Л.Н. Гумилева, который не владеет современной методикой научного исследования, не может обратиться к оригинальному тексту... не знает литературы, относящейся к источниковедческим проблемам его темы. Любые взятые на выбор страницы полны многочисленных ошибок, которые автор бессилён исправить... Работа Л.Н. Гумилева носит научно-популярный характер, однако

автор несамостоятелен и повторяет ошибки своих предшественников» [В Государственном Эрмитаже, 1962: 206].

Это было, пожалуй, одно из самых суровых выступлений. Неудивительно, что свое заключительное слово Гумилев начал с разбора именно замечаний Кляшторного: «Л.Н. Гумилев, поблагодарив всех выступавших, ответил на ряд замечаний. Он не согласился с вариантами и толкованиями перевода, предложенного С.Г. Кляшторным, сказав, что каждый перевод можно подвергнуть критике, но это не значит, что вообще нельзя пользоваться переводами. Тон и приемы выступления С.Г. Кляшторного, по мнению Л.Н. Гумилева, — некорректны» [В Государственном Эрмитаже, 1962: 206].

Со стороны Кляшторного выступление на дискуссии по «Хунну» было несомненно вызовом. Напомним, в 1961 г. Кляшторный не имел ни одной опубликованной монографии, не имел и научной степени, тогда как Гумилев в промежутке между обсуждениями «Хунну» защитил докторскую диссертацию (26.11.1961). Как он сам полагал, эта парадоксальная в своей основе дискуссия (рукопись «Хунну» прошла все этапы рецензирования и обсуждения в том же ИВ АН — ИНА) и была направлена на то, чтобы не допустить защиты им докторской диссертации. Об этом свидетельствуют как синхронные событиям письма О.Н. Высотскому (от 4.09.1959) [Гумилев. Письма, 2008: 240] и В.Н. Абросову (от 16.09, 30.10, 5.12.1961) [Гумилев. Письма, 2008: 174–176], так и более поздние воспоминания [Гумилев, 2001: 10].

Мнение Гумилева косвенно подтверждается и свидетельством противоположной стороны. Вот как описывает Е.Д. Бертельс сложную поколенческую ситуацию в востоковедении в середине — второй половине 1950-х годов: «Решить проблему кадров в Ленинграде в ту пору было нелегко. В силу определенных исторических обстоятельств представителей среднего поколения почти не осталось, а единицы старшего поколения уже работали в других учреждениях. Из-за трудностей распределения востоковедов к 1956 г. в Ленинграде скопилось значительное количество выпускников Восточного факультета ЛГУ. Они стремились к научной работе, но вынуждены были работать не по специальности» [Азиатский музей, 1972: 70]. Но именно к 1956 г. в Ленинград вернулись выжившие в ходе репрессий представители того самого среднего поколения.

Решающую роль в том, кого предпочесть при наборе в институт, сыграла позиция тогдашнего директора ЛО ИВАН — академика И.А. Орбели. Он «решил пойти на известный риск — брать в отделение молодежь. Пусть она будет неопытна, без ученых степеней и зва-

ний, но будет обладать ценными качествами — молодостью и энтузиазмом. И.А. Орбели рассчитывал, что под руководством старших коллег молодые востоковеды в короткий срок овладеют знаниями, обретут опыт научной работы» [Азиатский музей, 1972: 71] (см. также [Дьяконов, 1995: 733–734]). Среди молодых сотрудников был и С.Г. Кляшторный.

В письмах Гумилева можно найти указание еще на одну важную причину враждебного восприятия «Хунну». Так, в письме О.Н. Высотскому (сводному брату) от 16 февраля 1958 г. Гумилев пишет: «Дело в том, что директор ИВАНа ненавидит директора Эрмитажа, и этого оказалось достаточно, чтобы отвергнуть мою книгу. На меня удручающе подействовало хамство и цинизм, с которым долг перед Наукой принесен в жертву личным, даже не интересам, а счетам» [Гумилев. Письма, 2008: 235]. Директором Эрмитажа был М.И. Артамонов, его же назначили ответственным редактором «Хунну». Случилось так, что на протяжении многих лет М.И. Артамонов шел по пятам И.А. Орбели, сменяя его на различных организационных должностях. Нет ничего удивительного в том, что личная неприязнь И.А. Орбели к М.И. Артамонову проецировалась и на его ученика, а удар по «Хунну», таким образом, был нацелен не только на автора книги, но и на ее редактора.

Без перечисленных обстоятельств невозможно понять суть противоречий между Л.Н. Гумилевым и С.Г. Кляшторным. Помимо каких-то личностных моментов, идущих, вероятно, еще от противостояния Л.Н. Гумилева и А.Н. Бернштама, к началу 1960-х годов на первое место вышли корпоративные интересы: сотрудники Института выступили против монографии, вышедшей под грифом их учреждения, в то время как ее автор и редактор представляли Эрмитаж. Важно при этом подчеркнуть, что не только в интервью 1980 — начала 1990-х годов, но и в синхронных событиям письмах Л.Н. Гумилев ни разу не высказал желания устроиться в тот или иной академический институт, а вот сетования на его неприятие, в том числе личностное, академическими востоковедами по тем же письмам просматриваются отчетливо.

IV. Развитие противостояния

Казалось бы, Ленинград начала 1960-х годов был достаточно велик, чтобы вместить сразу двух специалистов по истории древних тюркоязычных народов. Однако противостояние двух других петер-

буржцев-ленинградцев — В.В. Бартольда и Г.Е. Грумм-Гржимайло [Грумм-Гржимайло, 1947: 44–46, 64] — показывает, что ситуация эта не уникальна и совсем не нова. Примечательно, что по вопросу об этой полемике Л.Н. Гумилев и С.Г. Кляшторный ярко продемонстрировали различие своих методологических установок: Гумилев встал на сторону Грумм-Гржимайло [Гумилев, 1967: 96–97; 1976: 118], Кляшторный — Бартольда [Кляшторный, 1968: 11]. В какой-то мере полемика между Л.Н. Гумилевым и С.Г. Кляшторным в 1960-е годы была продолжением той. Причем полемическое поле (история древних тюрков) было создано именно критиками Гумилева: защищать докторскую диссертацию он собирался по хуннам, но их стараниями защищать пришлось по тюркам.

В составленном в 1954 г. в лагере завещании Л.Н. Гумилев называл рукопись «Хунну» своей «посмертной докторской диссертацией». Через несколько лет после освобождения он убедился, что по истории хунну защититься не удастся, поэтому он применил «хитрый обходной маневр»: критики «сосредоточились на первой книге, а я взял и втихомолку подготовил другую работу — „Древние тюрки“ и защитил ее» [Гумилев, 2001: 10].

Обсуждение диссертации проходило 9 мая 1961 г., а защита — 26 ноября 1961 г. На обоих мероприятиях присутствовал Кляшторный. Об эрмитажном обсуждении Гумилев сообщает в письме В.Н. Абросову (29.06.1961): «Моя диссертация обсуждалась 9 мая. 50 эрмитажных востоковедов и археологов дружно не явились на заседание, но из других учреждений пришло 25 человек, и обсуждение состоялось. Все прошло крайне благополучно...» [Гумилев. Письма, 2008: 172]. Среди востоковедов «из других учреждений» и был С.Г. Кляшторный, о чем вспоминала искусствовед Н.И. Казакевич: «Присутствовали и внеэрмитажные историки, один из них, по фамилии Кляшторный, особенно рьяно нападал на автора диссертации» [Казакевич, 2006: 209–210].

Итак, дважды в 1961 г. С.Г. Кляшторный выступал едва ли не самым активным критиком Гумилева. Тем интереснее, что среди выступавших на втором обсуждении «Хунну» (18.12.1961), уже в самом Институте народов Азии, имя С.Г. Кляшторного не значится. О защите диссертации та же Н.И. Казакевич свидетельствует: «Защита прошла триумфально в университете. Заметив среди публики Кляшторного, я... обратилась к нему „Что же вы не выступили?“ — „Не хотел портить ложкой дегтя бочку меда“» [Казакевич, 2006: 210]. Несмотря на язвительный ответ, факт налицо — С.Г. Кляшторный поступил

благороднее многих своих коллег, не помешав защите и не позволив себе критиковать автора в его отсутствие на втором обсуждении «Хунну» (Гумилев лежал в это время в больнице) [В Государственном Эрмитаже, 1962: 207; Гумилев. Письма, 2008: 178]. Впрочем, последнее не могло компенсировать прошлые обиды, а у Л.Н. Гумилева только за один 1961 год они, без сомнения, накопились.

Для понимания дальнейшей дискуссии важна стартовая дата ее нового этапа. В архиве Л.Н. Гумилева хранится оттиск статьи А.М. Щербака с публикацией и переводом Уланкомской надписи [Щербак, 1961]. Оттиск подписан: «Дорогому Льву Николаевичу на добрую память. [Подпись] 9/XII.61 г.». В этом же оттиске за статьей А.М. Щербака следует комментарий С.Г. Кляшторного с исторической интерпретацией того же памятника [Кляшторный, 1961]. За него-то Л.Н. Гумилев и ухватился. Подарок А.М. Щербака стал одновременно «подарком судьбы»: к 9 декабря 1961 г. прошло всего две недели с защиты Гумилевым диссертации, а через полторы недели должно было состояться второе обсуждение «Хунну». Так ли Гумилев воспринял бы эту публикацию, случись она годом раньше или позже, неизвестно, но несомненно, в той конкретной обстановке его полемический задор требовал скорейшей «сатисфакции» [Гумилев, 1963].

Что критический выпад Гумилева был ответом на все предшествующие нападки на него, видно из краткого сообщения о выходе статьи в письме В.Н. Абрсову (от 11.03.1963): «С востоковедами распря продолжается; см. „Сов<етская> археология“, 1963, № 1» [Гумилев. Письма, 2008: 189]. П.Н. Савицкий, с которым Л.Н. Гумилев состоял в переписке, дал заметке самую положительную оценку (письмо от 11.04.1963): «...я очень обрадовался получению оттиска Вашей работы по поводу Уланкомской надписи и сразу же, конечно, „проглотил“ ее. Ваша аргументация „против Кляшторного“ кажется мне неопровержимой» [Савицкий. Письма, 2010: 91].

Свой ответ С.Г. Кляшторный презентовал Гумилеву лично и снабдил дарственной надписью, идентичной той, что оставил А.М. Щербак двумя годами ранее: «Дорогому Льву Николаевичу на добрую память. Автор. 2.XI.63». Кляшторный гордился и многим рассказывал (в том числе и мне), что его ответ Гумилеву занял лишь неполных две страницы [Кляшторный, 1963], тогда как статья Гумилева — почти четыре. Уже из этого, казалось бы, малозначительного факта видно, какое значение С.Г. Кляшторный придавал полемике (причина понятна — Гумилев ударил именно по его узкой специализации). Об этом же можно судить не только по устным рассказам, но и по тому, что

свою интерпретацию Уланкомской надписи и ответ Гумилеву он переиздал [Кляшторный, 2003: 282–288], как и еще одну статью об уйгурской эпиграфике, в которой имеется такое заключение: «Надпись была датирована С.Г. Кляшторным 712 г., и эта дата в ходе оживленной дискуссии не была опровергнута»⁵ [Кляшторный, 2003: 412; 2010: 320].

Реакция Л.Н. Гумилева на ответ С.Г. Кляшторного видна из его письма В.Н. Абросову (октябрь 1963 г.): «И поговорить о научных проблемах не с кем. Все заняты только своими работами, упуская из виду целое, для чего все мелкие работы выполняются. Но даже при этом печатная статья находит отклик. Вот, например, Сережка (С.Г. Кляшторный. — А.С.) ответил на мою статью, да так, что я очень этим ответом доволен. Ничего, кроме неоправданных ссылок, сей муж изыскать не сумел» [Гумилев. Письма, 2008: 193].

А.М. Щербак в своей итоговой работе по тюркской рунике рассматривает интерпретации Л.Н. Гумилева и С.Г. Кляшторного как равные, не отдавая предпочтения ни той ни другой (хотя сам склоняется к датировке надписи первой половиной VIII в.). Одновременно он сетует, что этот уникальный памятник почему-то не привлек должного внимания исследователей [Щербак, 2001: 121]. Не пытаясь встать на чью-либо сторону в полемике, отметим, что такое странное невнимание к Уланкомской надписи связано как раз с проблемой ее датировки, которая, несмотря на уверенность С.Г. Кляшторного в нерушимости его доводов, не может считаться окончательно установленной.

Исходя из общих соображений о том, что уйгурское курсивное письмо сменяет тюркскую рунику, датировать надпись 712 годом парадоксально. Получается, она предшествует по времени основному корпусу орхоно-енисейских рунических памятников. Довод же против Гумилева, что до второй половины IX в. уйгуры продолжали пользоваться руникой [Кляшторный, 1963: 293], не проясняет, а только делает ситуацию более парадоксальной. Интересно, что в рамках полемики С.Г. Кляшторный определял надпись не как уйгурскую, а как собственно тюркскую, полагая, что курсив и руны с самого начала сосуществовали и соперничали между собой⁶. Позднее, опираясь

⁵ Затем следуют ссылки на свои и А.М. Щербака статьи и статью Л.Н. Гумилева.

⁶ Со ссылкой на С.Е. Малова С.Г. Кляшторный утверждал, что «тюркские племена Центральной Азии использовали согдийский („уйгурский“) курсив задолго до упомянутой Л.Н. Гумилевым даты». Ссылка была следующая: «С.Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности. М.–Л., 1951, стр. 108, 425» [Кляшторный, 1963: 293].

на Луи Базена, он высказал предположение, что курсивное письмо и вовсе предшествовало рунике, а затем повторно сменило ее [Кляшторный, 2003: 361]. При этом Кляшторный сослался не на Уланкомскую надпись, а на перевод на тюркский язык «Нирвана-сутры», осуществленный во второй половине VI в. Опираясь на А. фон Габен, С.Г. Кляшторный утверждал, что в VI в. этот перевод мог быть выполнен только согдийским письмом [Кляшторный, Савинов, 2005: 160; 2010: 279], уточняя, что текст был записан именно на бумаге [Кляшторный, 2010: 298].

Здесь каждое гипотетическое предположение отталкивается от такого же предшествующего. На самом деле, никакого перевода «Нирвана-сутры» на древнетюркский не существует. Есть только свидетельство источника о приказе императора Северного Ци выполнить по просьбе тюркского кагана Тобо этот перевод [Кызласов, 1960: 73]. Был ли перевод выполнен, доказать без наличия самого текста невозможно, поэтому любые суждения на этот счет умозрительны. Одновременно те же самые источники сообщают об отсутствии у тюрков в VI в. письменности как таковой, и просто не обращать внимания на это свидетельство, наверное, неправильно [Кычанов, 2010: 132].

Как видно, не столько сама Уланкомская надпись, сколько полемика вокруг нее дала С.Г. Кляшторному толчок для целого направления в его научных исследованиях.

Примечательно, что для Уланкомской надписи С.Г. Кляшторный не нашел места также и в своих исторических исследованиях, даже при описании событий 711–712 гг., которые, по его мнению, надпись отражает [Кляшторный, 2003: 182–202; Кляшторный, Савинов, 2005: 103; Кляшторный, 2010: 218]. Оставаясь верным этой датировке, он впоследствии относил надпись к числу уйгурских, а не тюркских, замечая при этом, что следующая известная курсивная надпись датиров-

В переизданном варианте статьи ссылка стала выглядеть так: «Малов. Памятники» [Кляшторный, 2003: 287]. Дело в том, что на указанной странице (с. 108) С.Е. Малов датировал манихейскую молитву, написанную курсивным письмом на уйгурском языке, V веком, что, конечно, невероятно. На этот счет Л.Н. Гумилев заметил, что такая датировка противоречит всему ходу истории [Гумилев, 1967: 386]. Но на изменение позиции Кляшторного повлияло не мнение Гумилева, хотя оно логично, а исследование Л.В. Дмитриевой [Кляшторный, 2003: 400]. В том же, 1963 г. она писала: «...только тщательное изучение... особенностей памятника... даст основание для более точной и обоснованной датировки. Тем не менее ясно уже сейчас, что убедительных оснований для отнесения Хуастуанифт к V, VI или даже VII в. нет» [Дмитриева, 1963: 215]. Таким образом, отсылка к С.Е. Малову действительно оказалась неоправданной, но совсем ее устранить, не меняя основного текста, было нельзя.

ется только 780 г. [Кляшторный, 2010: 320]⁷. А именно к концу VIII в. Уланкомскую надпись отнес и Гумилев (А.М. Щербак в качестве самой поздней даты составления надписи называл даже начало IX в.).

В свою очередь, Л.Н. Гумилев в «Древних тюрках» ввел надпись в исторический контекст — китайско-уйгуро-тибетскую войну 90-х годов VIII в. [Гумилев, 1967: 413–414]. Однако и при описании событий 711 г. он использовал сведения надписи [Гумилев, 1967: 301]. При этом полемику в «Советской археологии» Л.Н. Гумилев больше не упоминал, ссылаясь лишь на первую публикацию надписи в «Эпиграфике Востока».

По-видимому, с одним доводом С.Г. Кляшторного Л.Н. Гумилев все-таки согласился. Первоначально Гумилев скептически отнесся к отождествлению Кляшторным топонима «Тюнлюг» со страной «Тендюк» из книги Марко Поло. Последнюю Гумилев помещал в Монголии, на Селенге [Гумилев, 1963: 296–297], тогда как Кляшторный — в Ордосе. Значительно позже Гумилев высказал уже близкое Кляшторному мнение: «О названии страны „Тендук“ есть много предположений. В данном случае, видимо, имеется в виду степь севернее Ордоса» [Гумилев, 1970: 227]⁸. Однако Гумилев так и не признал тождество «Тюнлюг = Тендюк». Цитируя Уланкомскую надпись, он поместил название этой страны знаком вопроса: «Я захватил Тибет, Тюнлюг [?], потом тюргошей у реки Болчу» [Гумилев, 1967: 416].

1961 · Э П И Г Р А Ф И К А В О С Т О К А · XIV

Дарственная надпись А.М. Щербака Л.Н. Гумилеву

⁷ Интересно, что самое раннее упоминание С.Г. Кляшторным Уланкомской надписи позволяет судить, что сначала он датировал ее поздним временем: «...к концу X в. она (руника. — А.С.) в Монголии не употреблялась, а в иных местах обитания древнетюркских племен была полностью вытеснена уйгурским курсивом». И далее в примечании: «Открытая в 1955 г. ... близ Уланкома каменная плита... свидетельствует, что руника уступила место уйгурскому курсиву также и в лапидарной графике» [Кляшторный, 1960: 174]. Схожая формулировка попала в монографию С.Г. Кляшторного, хотя вышла она уже после полемики с Л.Н. Гумилевым [Кляшторный, 1964: 50].

⁸ Впрочем, даже для эпохи Марко Поло помещение страны Тендюк на Селенге, как первоначально полагал Гумилев, допускали А. Кордые и П. Пельо [Cordier, 1920: 62].

Дорогому
Льву Николаевичу
на добрую память
2. XI. 63
А.С.

ПО ПОВОДУ ИНТЕРПРЕТАЦИИ УЛАНКОМСКОЙ НАДПИСИ
(Письмо в редакцию)

Дарственная надпись С.Г. Кляшторного Л.Н. Гумилеву
на ответе ему на его критику

По времени опубликование материалов дискуссии практически совпало с защитой С.Г. Кляшторным кандидатской диссертации. Ситуация тогда сложилась уникальная. Единственным доктором наук, защитившимся по истории древних тюрок, с конца 1962 г. (когда степень наконец была присвоена) был Л.Н. Гумилев. О его участии в обсуждении диссертации С.Г. Кляшторного мне ничего не известно. Однако выход монографии С.Г. Кляшторного, в основу которой лег текст кандидатской диссертации, мимо Гумилева не прошел. В письме В.Н. Абросову (июнь 1964 г.) сообщается: «Надо писать рецензию на новую книжку о тюрках, до того плохую, что даже рука не поднимается ее ругать» [Гумилев. Письма, 2008: 200]. Имя автора при этом не называется. Что речь шла о монографии Кляшторного, можно понять из следующего письма (26.07.1964): «Вот, вышла книжка Сережки Кляшторного: сплошной туман из наукообразных фраз и сносок без единого вывода. Сам автор говорит, что хорошо, если во всем мире его прочтут человек 50. Цифра завышена, но те, кто прочтут, плюнут и отойдут. Беда в том, что такие книги отбивают у читателей вкус к чтению научной литературы, и после этого и с хорошей книгой не пробыешься. Издатели не поверят, что это не муть» [Гумилев. Письма, 2008: 202–203].

По всей видимости, рецензия представляла собой не частную инициативу Гумилева, а была заказана редакцией журнала «Народы Азии

и Африки». Ее оценки мало отличаются от данных в частном письме, но, конечно, более сдержанны. Тем не менее рецензию разгромной назвать нельзя. Хотя Гумилев считал, что книга С.Г. Кляшторного плохо организована, отмечал спорные, на его взгляд, моменты, но нигде не поставил под сомнение квалификацию автора и вообще способность его к научным исследованиям [Гумилев, 1965: 179]; а именно последнее делали оппоненты Гумилева в ходе обсуждения «Хунну». Позволим себе предположить, не была ли откликом на рецензию Гумилева характеристика, данная монографии Кляшторного А.Н. Кононовым, ее ответственным редактором? Характеристика следующая: «Труд С.Г. Кляшторного... выдержавший проверку временем, является, как общепризнано, крупным достижением советской историографии древних тюрков» [Кононов, 1980: 53]. Ссылки при этом ни на какую критику нет, а упомянутый на той же странице Л.Н. Гумилев охарактеризован лишь как автор монографии о тюрках (причем положительно). Однако, кроме Гумилева, развернутой критики монографии С.Г. Кляшторного никто не давал⁹, а в характеристике А.Н. Кононова уж очень явно (в сравнении с характеристиками других работ в том же перечне) прослеживается стремление оправдать ее научную значимость, поэтому связь с рецензией вполне допустима.

В библиотеке музея-квартиры Л.Н. Гумилева хранится экземпляр монографии С.Г. Кляшторного с характерной дарственной надписью: «Глубокоуважаемому Льву Николаевичу без дискуссии от автора. Ленинград, 1964. С. Кляшторный». Вероятно, это не тот экземпляр, по которому писалась рецензия, поскольку книга не содержит никаких пометок или маргиналий, что для работы Гумилева с научной литературой нехарактерно. Скорее, это был примирительный жест со стороны С.Г. Кляшторного, наверняка знавшего о подготовке Гумилевым рецензии на его книгу.

⁹ Идущая в паре с рецензией Гумилева рецензия А.Ю. Заднепровского [Заднепровский, 1965], по риторике положительная, фактически представляет собой изложение собственных взглядов автора по ряду заинтересовавших его в монографии С.Г. Кляшторного вопросов, причем тех же (например, локализация Кангюя), за которые он критиковал тремя годами ранее Гумилева на обсуждении «Хунну» [В Государственном Эрмитаже, 1962: 209].

Гумилевскому
Льву Николаевичу

Гумилеву

без дискуссии

of authors

Ленинград, 1964

С. Кляшторного

Дарственная надпись
С.Г. Кляшторного
Л.Н. Гумилеву на
монографии «Древне-
тюркские рунические
памятники как источник
по истории
Средней Азии»

V. Путь к примирению

Выход книги С.Г. Кляшторного создал для Гумилева неожиданную проблему.

Самое раннее упоминание рукописи Гумилева «Древние тюрки» относится еще к 1960 г., когда на нее сослался В.А. Лившиц [Лившиц, 1960: 100]. Значит, по крайней мере с 1959 г. она была доступна сотрудникам Института востоковедения. Однако выход в 1964 г. монографии С.Г. Кляшторного, по-видимому, поставил вопрос о целесообразности издания на ту же тему монографии Л.Н. Гумилева. С аналогичной проблемой столкнулся М.И. Артамонов, когда практически одновременный выход полуанонимной статьи в газете «Правда» и монографии Д.М. Данлопа в США задержал на целое десятилетие издание его капитальной «Истории хазар» [Плетнева, 2002: 16–17; Артамонов, 2002: 60, 62–63], ответственным редактором которой в итоге стал Л.Н. Гумилев. Пытаясь предупредить схожую ситуацию, Гумилев в письме в Главную редакцию восточной литературы издательства «Наука» на имя главного редактора О.К. Дрейера специально оговорил отличие своего исследования: «Считаю необходимым отметить, что моя книга отнюдь не дублирует только что вышедшую книгу С.Г. Кляшторного, равно как и новые французские работы Груссе

(1960) и Жиро (1961), ни по задачам, ни по характеру выполнения» [Гумилев. Письмо, 1964]. Хотя книга была принята издательством, вышла она лишь три года спустя.

Ни С.Г. Кляшторный, ни научное сообщество в целом на выход «Древних тюрков» в печати не отозвались, что Л.Н. Гумилева огорчало [Лавров, 2003: 228 (эпиграф)]. В то же время исследование, впервые закрывшее целый пласт истории Евразии, невозможно было проигнорировать. В качестве примера приведем необычную дарственную надпись африканиста Н.Б. Кочаковой на ее монографии «Города-государства йорубов» (М.: Наука, ГРВЛ, 1968): «С глубоким уважением автору „Хунну“ и „Древних тюрков“. 8/IV 68 г. Н. Кочакова». Очень быстро «Древние тюрки» попали во многие официальные обзоры, среди авторов которых был и С.Г. Кляшторный [Кляшторный, Ромодин, 1970: 162; Кононов, 1973: 628; Кляшторный, 1973: 632; БСЭ, 1977: 189 (стб. 541); Кононов, 1977: 415 (стб. 1230); Кляшторный, 1977: 416 (стб. 1236)].

Надо отметить, что и в своей первой монографии, еще до выхода «Древних тюрков», С.Г. Кляшторный ссылался на Гумилева, признавая его концепцию удельно-лествичной системы престолонаследия у тюрков [Кляшторный, 1964: 20]. Во втором издании монографии имеются ссылки уже и на «Древних тюрков», причем как полемические (о датировке надписи Кули-чору) [Кляшторный, 2003: 73], так и нейтрально-положительные (о стилистике орхонских надписей и датировке Онгинского памятника) [Кляшторный, 2003: 47, 80]. Хотя в поздних обобщающих монографиях С.Г. Кляшторного ссылок на Л.Н. Гумилева нет (в них дана лишь общая избранная библиография), вряд ли будет преувеличением предположить, что идеи Гумилева оказали известное влияние на концепцию кочевых империй С.Г. Кляшторного, а также на некоторые конкретно-исторические сюжеты. О последнем можно судить по статье, впервые опубликованной в 1986 г. [Кляшторный, 1986]. В ней среди прочих авторов анализируются и в общем принимаются взгляды Л.Н. Гумилева на социальное устройство хуннов [Кляшторный, 1986: 314–315] и тюрков [Кляшторный, 1986: 318–319]. По-видимому, следуя взглядам Гумилева [Гумилев, 1960: 240–248], С.Г. Кляшторный рассматривал проблему соотношения европейских и азиатских гуннов [Кляшторный, Савинов, 2005: 33–35, 37; Кляшторный, Султанов, 2009: 85–87, 89–90; Кляшторный, 2010: 130, 134–135]¹⁰.

¹⁰ Впервые текст «Гуннская держава на Востоке» опубликован С.Г. Кляшторным в 1980-е годы [История древнего мира, 1989: 243–254, 252]. Поскольку в издании отсутствуют сноски и библиография, в таком виде текст и вошел в поздние монографии.

С чем было связано такое очевидное потепление в отношении к Л.Н. Гумилеву? По словам Кляшторного, сказанным мне в личной беседе, когда Гумилев перешел от историко-востоковедных проблем к разработке теории этноса, исчез и сам предмет критики. Гумилев часто заходил к С.Г. Кляшторному в сектор, где они общались и пили чай. В числе проблем, которые они обсуждали при встречах уже в 1980-е годы, была хазарская. Как-то в конце 1980-х, по словам Кляшторного, они случайно встретились с Гумилевым в Москве. С.Г. Кляшторный сообщил о присылке ему новой публикации еврейско-хазарской переписки, осуществленной Н. Голбом и О. Прицаком, что очень заинтересовало Гумилева. В то время он готовил к изданию монографию «Древняя Русь и Великая степь», составной частью которой был раздел «Зигзаг истории», посвященный Хазарии и русско-хазарским отношениям. Гумилев просил С.Г. Кляшторного поскорее издать сведения об этой публикации по-русски¹¹.

Сохранилась видеозапись с рассказом о той же встрече уже Л.Н. Гумилева. В ходе публичной лекции он упомянул и о «киевском письме»: «В Киеве сидел хазарский наместник. Это удалось выяснить очень любопытно. Сам я не прочел этого текста, потому что он у нас библиографическая редкость. Но такой есть у нас Сергей Григорьевич Кляшторный, которому его дружок прислал из-за границы. Есть текст из каирской генизы, т.е. склада книг, в котором одно слово было написано непонятными буквами. Когда его к нам привезли, то наши прочли легко. Это был тюркский рунический алфавит, и слово означало „тудун“, а тудун — это, так сказать, военный начальник, военный губернатор, который сидел в Киеве» [Лекция Л.Н. Гумилева, 1990].

Последняя «встреча» С.Г. Кляшторного с Л.Н. Гумилевым состоялась на похоронах последнего.

В заключение процитируем фрагмент монографии Л.Н. Гумилева «Этногенез и биосфера Земли», не вошедший в итоговое издание книги. В нем как бы глазами инопланетных наблюдателей описываются узловыe моменты истории Евразии, и всякий раз инопланетяне делают неверный вывод из своих наблюдений¹². Эта метафора, как ни странно, отсылает еще к самым ранним дискуссиям с С.Г. Кляшторным (разумеется, предполагаемый читатель имен оппонентов знать не мог) и, вероятно, с другими коллегами, переключаясь также и с приведенной

¹¹ Русское издание Гумилеву увидеть не удалось, вышло оно только в 1997 г. [Голб, 1997].

¹² Переработанный текст был опубликован в виде статьи [Гумилев, 1988а], но опять же без интересующего нас фрагмента.

выше причиной прекращения дискуссии С.Г. Кляшторного с Л.Н. Гумилевым (переход последнего к исследованию проблем этноса):

«Этого инопланетянина я встретил на склоне большого бэровского бугра, в то время, когда искал там хазарские погребения... Сначала мне было страшновато... но потом мы разговорились, и он поведал мне много интересных соображений по истории хазар и их эпохи. Пусть не удивляется читатель. Тор (так в публикации. — А.С.) Хейердал тоже беседовал с аку-аку, так что прецедент есть. Долгое время я боялся публиковать перевод нашей беседы на русский язык, потому что у нас в Ленинграде живут востоковеды, которые потребовали бы у меня запись текста, имя автора и его факсимиле, а у меня ничего этого нет. <...> Вот я и молчал, чтобы меня не обвинили ни в мистификации, ни в мистике. А востоковеды это могут.

Но потом я осмелел. Думаю, ведь есть у нас люди, знающие, что такое „литературный прием“. И ведь не востоковеды же будут меня читать, потому что они не читают книг, а переводят тексты. А если они и прочтут мою книгу, то все равно обругают, так уж заведено. Вот я и решился, вспомнив отнюдь не инопланетное, а родное слово — авось, после чего написал предлагаемую ниже интерпретацию этнической истории и ее возможностей в уяснении причин этногенеза» [Гумилев, 1979: 31].

В конечном счете процитированный фрагмент представляет как бы резюме размышлений Л.Н. Гумилева о его взаимоотношениях с востоковедами в целом.

Список сокращений

БСЭ — Большая советская энциклопедия

СИЭ — Советская историческая энциклопедия

Документальные материалы музея-квартиры Л.Н. Гумилева
(г. Санкт-Петербург, ул. Коломенская, 1/15)

Гумилев, 1955 — *Гумилев Л.* Древняя история Серединной Азии. Интерлюдия.

Среди неясного и нерешенного. Ди и динлины. Февраль 1955. (Прежнее название «Опыт истории Хунну. Часть I. Глава II» зачеркнуто.)

Гумилев. Письмо, 1964 — *Гумилев Л.Н.* Письмо О.К. Дрейеру — директору Главной редакции восточной литературы издательства «Наука». — Рукопись, 1 л., дата: «20.VIII.1964».

Гумилев, 1979 — *Гумилев Л.Н.* Этногенез и биосфера Земли. Вып. 3. Возрасты этноса (№ 3735–79 Деп.). Л., 1979. — Депонированный текст докторской диссертации по географии.

- Петрушевский, 1947 — *Петрушевский И.П.* Отзыв о работе Л.Н. Гумилева «Политическая история первого Тюркского каганата в 546–657 гг.». — Машинопись, 5 л. На последнем листе указаны дата (24 октября 1947 г.), место (Ленинград) и подпись (доктор исторических наук И.П. Петрушевский).
- Пигулевская, 1957 — *Пигулевская Н.* Отзыв о работе Л.Н. Гумилева «Эфталиты и их соседи в IV в. н.э.». — Машинопись, 1 л. за подписью члена-корреспондента АН СССР Н. Пигулевской и с датой «24 мая 1957 г.».
- Якубовский, 1948 — *Якубовский А.Ю.* Краткий отзыв о работе Л.Н. Гумилева «История державы Ашина и народа тюркют». — Машинопись, 2 л., за подписью члена-корреспондента АН СССР А.Ю. Якубовского, без даты (лето 1948 г.).

Литература

- Азиатский музей, 1972 — Азиатский музей — Ленинградское отделение Института востоковедения АН СССР. М., 1972.
- Артамонов, 2002 — *Артамонов М.И.* История хазар. 2-е изд. СПб., 2002.
- БСЭ, 1977 — Большая советская энциклопедия. Т. 24, кн. II. СССР. М., 1977.
- В Государственном Эрмитаже, 1962 — В Государственном Эрмитаже и Ленинградском отделении Института народов Азии АН СССР // Вестник древней истории. 1962. № 3. С. 202–210.
- Герштейн, 2002 — *Герштейн Э.* Мемуары. М., 2002.
- Голб, 1997 — *Голб Н., Прицак О.* Хазарско-еврейские документы X века. Москва–Иерусалим, 1997.
- Грумм-Гржимайло, 1947 — *Грумм-Гржимайло А.Г.* Дела и дни Григория Ефимовича Грумм-Гржимайло (путешественника и географа). М., 1947.
- Гумилев, 1959 — *Гумилев Л.Н.* Эфталиты и их соседи в IV в. // Вестник древней истории. 1959. № 1. С. 129–140.
- Гумилев, 1960 — *Гумилев Л.Н.* Хунну. М., 1960.
- Гумилев, 1963 — *Гумилев Л.Н.* По поводу интерпретации Уланкомской надписи // Советская археология. 1963. № 1. С. 295–298.
- Гумилев, 1965 — *Гумилев Л.Н.* [Рец. на:] С.Г. Кляшторный. Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии. М., 1964 // Народы Азии и Африки. 1965. № 6. С. 175–179.
- Гумилев, 1967 — *Гумилев Л.Н.* Древние тюрки. М., 1967.
- Гумилев, 1967а — *Гумилев Л.Н.* Эфталиты — горцы или степняки? // Вестник древней истории, 1967. № 3. С. 91–99.
- Гумилев, 1970 — *Гумилев Л. Н.* Поиски вымышленного царства. М., 1970.
- Гумилев, 1976 — *Гумилев Л.Н.* Г.Е. Грумм-Гржимайло и рождение науки об этногенезе // Природа. 1976. № 5. С. 112–121.
- Гумилев, 1988 — *Гумилев Л.Н.* Биография научной теории, или автонекролог // Знамя. 1988. № 4. С. 202–216.
- Гумилев, 1988а — *Гумилев Л.Н.* Этнос: мифы и реальность // Дружба народов. 1988. № 10. С. 218–231.
- Гумилев, 2001 — *Гумилев Л.Н.* Конец и вновь начало. М., 2001.

- Гумилев. Письма, 2008 — *Лев Николаевич Гумилев. Письма...* / Сост. Г.М. Прохоров. СПб., 2008.
- Дмитриева, 1963 — *Дмитриева Л.В.* Хуастуанифт (введение, текст, перевод) // Тюркологические исследования. М.; Л., 1963. С. 214–232.
- Дьяконов, 1995 — *Дьяконов И.М.* Книга воспоминаний. СПб., 1995.
- Заднепровский, 1965 — *Заднепровский Ю.А.* [Рец. на:] С.Г. Кляшторный. Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии. М., 1964 // Народы Азии и Африки. 1965. № 6. С. 173–175.
- История древнего мира, 1989 — История древнего мира. Т. 3. Упадок древних обществ. Изд. 3-е, испр. и доп. М., 1989.
- Казакевич, 2006 — *Казакевич Н.И.* Фрагмент воспоминаний // «Живя в чужих словах...»: воспоминания о Л.Н. Гумилеве. СПб., 2006. С. 199–211.
- Клейн, 2010 — *Клейн Л.С.* Трудно быть Клейном: Автобиография в монологах и диалогах. СПб., 2010.
- Кляшторный, 1960 — *Кляшторный С.Г.* К вопросу о подлинности древнетюркской надписи с именем Чингиз-хана // Проблемы востоковедения. 1960. № 1. С. 173–175.
- Кляшторный, 1961 — *Кляшторный С.Г.* К историографической оценке Уланкомской надписи // Эпиграфика Востока. Т. XIV. М.; Л., 1961. С. 26–28.
- Кляшторный, 1963 — *Кляшторный С. Г.* По поводу интерпретации Уланкомской надписи // Советская археология. 1963. № 4. С. 292–293.
- Кляшторный, 1964 — *Кляшторный С.Г.* Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии. М., 1964.
- Кляшторный, 1968 — *Кляшторный С.Г.* Предисловие // *Бартольд В.В.* Сочинения. Т. V. М., 1968.
- Кляшторный, 1973 — *Кляшторный С.Г.* Тюркский каганат // СИЭ. Т. 14. Танах–Фелео. М., 1973. Стб. 631–632.
- Кляшторный, 1977 — *Кляшторный С.Г.* Тюркский каганат // БСЭ. Т. 26. Тихоходки–Ульяново. М., 1977. С. 416 (стб. 1235–1236).
- Кляшторный, 1986 — *Кляшторный С.Г.* Формы социальной зависимости в государствах кочевников Центральной Азии (конец I тыс. до н.э. — I тыс. н.э.) // Рабство в странах Востока в средние века. М., 1986. С. 312–339.
- Кляшторный, 2003 — *Кляшторный С.Г.* История Центральной Азии и памятники рунического письма. СПб., 2003.
- Кляшторный, 2010 — *Кляшторный С.Г.* Рунические памятники Уйгурского каганата и история евразийских степей. СПб., 2010.
- Кляшторный, 2012 — *Кляшторный С.Г.* Геополитическое пространство и социальная структура древнетюркского мира // Научное наследие Л.Н. Гумилева: истоки, эволюция, проблемы восприятия. Материалы междунар. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения Л.Н. Гумилева. СПб., 2012. С. 201–205.
- Кляшторный, 2013 — *Кляшторный С.Г.* О славянах Среднего Поволжья и о коллегах-славистах // Средневековье. Великое переселение народов. Самара, 2013. С. 67–72.
- Кляшторный, Ромодин, 1970 — *Кляшторный С.Г., Ромодин В.А.* Изучение истории тюркских народов в АН СССР // Тюркологический сборник. 1970. М., 1970.

- Кляшторный, Савинов, 2005 — *Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г.* Степные империи древней Евразии. СПб., 2005.
- Кляшторный, Султанов, 2009 — *Кляшторный С.Г., Султанов Т.И.* Государства и народы Евразийских степей: от древности к Новому времени. 3-е изд., испр. и доп. СПб., 2009.
- Кононов, 1973 — *Кононов А.Н.* Тюркология // СИЭ. Т. 14. Танах–Фелео. М., 1973. Стб. 626–630.
- Кононов, 1977 — *Кононов А.Н.* Тюркология // БСЭ. Т. 26. Тихоходки–Ульяново. М., 1977. С. 414–415 (стб. 1228–1233).
- Кононов, 1980 — *Кононов А.Н.* Грамматика языка тюркских рунических памятников VIII–IX вв. Л., 1980.
- Кузьмина, 2010 — *Кузьмина Е.Е.* А.Н. Бернштам и его место в истории Казахстана и Киргизии // Древние культуры Евразии. Материалы междунар. науч. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения А.Н. Бернштама. СПб., 2010.
- Кызласов, 1960 — *Кызласов Л.Р.* Тува в период тюркского каганата (VI–VIII вв.) // Вестник МГУ. Сер. IX. Исторические науки. 1960. № 1. С. 51–76.
- Кычанов, 2010 — *Кычанов Е.И.* История приграничных с Китаем древних и средневековых государств (от гуннов до маньчжуров). СПб., 2010.
- Лавров, 2003 — *Лавров С.Б.* Лев Гумилев: Судьба и идеи. М., 2003.
- Лекция Л.Н. Гумилева, 1990 — Лекция Л.Н. Гумилева в Радиевом институте в 1990 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=R9YJV0YRvIE> (дата обращения: 12.06.2018).
- Лившиц, 1960 — *Лившиц В. А.* Согдийский посол в Чаче // Советская этнография. 1960. № 2. С. 92–109.
- Люди и судьбы, 2003 — Люди и судьбы. Биобиблиографический словарь востоковедов — жертв политического террора в советский период (1917–1991). СПб., 2003.
- Петрушевский, 1962 — *Петрушевский И.П.* Бахрам Чубин // СИЭ. Т. 2. Баал–Вашингтон. М., 1962. Стб. 175–176.
- Плетнева, 2002 — *Плетнева С.А.* Предисловие ко второму изданию // *Артамонов М.И.* История хазар. 2-е изд. СПб., 2002.
- Савицкий. Письма, 2010 — Письма П.Н. Савицкого Л.Н. Гумилеву. 1963–1964 гг. // Геополитика и безопасность. 2010. № 1. С. 80–107.
- Савченко, 2006 — *Савченко А.Ф.* Семь лет рядом со Львом Гумилевым // «Живя в чужих словах...»: воспоминания о Л.Н. Гумилеве. СПб., 2006. С. 154–172.
- Черных, 2009 — *Черных Е.Н.* Степной пояс Евразии: Феномен кочевых культур. М., 2009.
- Щербак, 1961 — *Щербак А.М.* Надпись на древнеуйгурском языке из Монголии // Эпиграфика Востока. Т. XIV. М.; Л., 1961. С. 23–25.
- Щербак, 2001 — *Щербак А.М.* Тюркская руника. СПб., 2001.
- Cordier, 1920 — *Cordier H.* Ser Marco Polo. London, 1920.
- Roux J.-P., 2008 — Arts de l'Islam: un entretien avec Jean-Paul Roux [Электронный ресурс]. URL: <https://www.nonfiction.fr/article-847-arts-de-lislam-un-entretien-avec-jean-paul-roux.htm> (дата обращения: 25.05.2018).